

«Детское чтение для сердца и разума»
Н. М. Карамзин

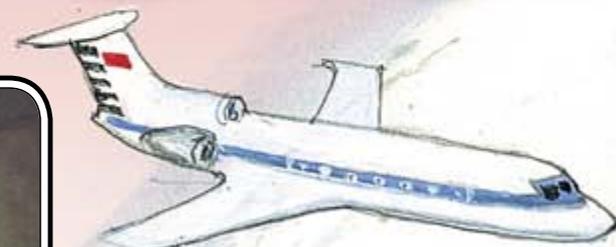
РОМАН-ГАЗЕТА

8

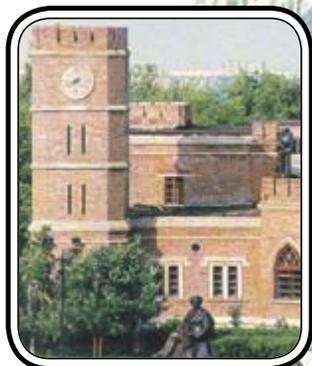

2014 (182)

6+

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
Шереметев против Шлиппенбахов

УГОЛОК РОССИИ:
История города
Оренбурга

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Геннадий Киселёв **Домовёнок**
из пятого «а» класса

Лев Модзалевский

Под липой

Пташечка летняя,
Еле заметная,
В ветвях живёт;
С раннего утрачка
Пташка-малюточка
Звонко поёт.
Тут же, под липкою,
В травке, с улыбкою
Смотрит цветок,
С ясными глазками,
С яркими красками,
Сам с ноготок.
Около цветика
Бродит — приметьте-ка, —
Пёстрый жучок:
Вот он взбирается,
Лезет — старается
На стебелёк...
Змейкой сребристую
Вьётся под листвою
Там ручеек;
Поит он пташечку,
Липку, букашечку,
Травку, цветок.

Н. Рерих
Заморские гости
1902 г.

В номере:

3

Геннадий Киселёв

Домовёнок из пятого «а» класса

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

**Мастер лирического пейзажа:
Витольд Бялыницкий-Бируля**

21

ШКОЛА БЕЗОПАСНОСТИ

Владимир Волков

Просто взять и сделать

22

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

«И девушка наша в походной шинели...»

25

ЖИВОЙ УГОЛОК

Сергей Вознесенский

**Пойдём со мной
Крысёнок Пруська**

27

УГОЛОК РОССИИ

Татьяна Михайлова

История города Оренбурга

30

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Иванов

Шереметев против Шлиппенбахов

33

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Владимир Волков

Зина-синичка

34

РАССКАЗЫ

Виктор Астафьев

Белоградка

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погодина

Зав. производством

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Корректор

Людмила Овчинникова

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Юриисконсульт

Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге

агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московской обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpk.ru

e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 3110

© «Роман-газета», 2014 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Геннадий Киселёв
Домовёнок
ИЗ ПЯТОГО «а» класса

Художник Г. Мазурин

Лёнька слышит, как мама уже несколько минут переминается с ноги на ногу у двери, и понимает, чем это в очередной раз закончится. Но поделать с собой ничего не может, а если честно, просто и не хочет.

— Хватит притворяться! — Она приотворяет дверь. — Подымайся и немедленно за стол! На зарядку у тебя нет времени. Завтрак я второй раз греть не собираюсь!

Её монолог он оставляет без ответа.

— Хорошо. Будем считать, что на этот раз ты проспал. А теперь вставай! Не надоело дурака валять?

Если бы она знала, как ему это надоело.

— Как знаешь, — зябко пожимает плечами мама. — В школу будешь добираться один.

Мальчишка усмехается про себя. Он давно бы слетел с кровати и начал отжиматься на любимой медвежьей шкуре. Покряхтел бы под ледяным душем, шлёпая себя по разгорячённому телу, как папка. А чай он заварит и сам. В котелке! Потому как в этой мужской посудине чай всегда пахнет хвоей, дымком от костра, даже если котелок стоит на обычной плите. Вот бы мама объяснила, почему папка так долго не пишет.

— Между прочим, сейчас по «железному» расписанию, составленному вами с отцом, мы уже должны заканчивать завтрак. — Мама стаскивает с него одеяло.

— Ну почему от него так долго нет писем?!

— Милый ты мой. Он обязательно нам напишет. Потерпи чуток. — Голос у мамы ласковый, но в нём проскальзывают непривычно жалобные нотки, которые тут же приобретают металлический оттенок. — На эту тему мы с тобой вчера уже беседовали.

— Мы толком ещё ни разу об этом не беседовали. — Губы сына сжимаются в упрямую полоску.

Мама знает эту манеру. Сейчас он замкнётся и замолчит. А заставить его в такой ситуации сказать хоть одно словечко под силу только отцу. Поэтому она тихо, но твёрдо произносит:

— Леонид, ты уже взрослый человек, а ведёшь себя...

— А ты как ведёшь себя?

— Как ты со мной разговариваешь?! Я тебе сто раз объясняла: у папы ответственное задание, он далеко, письма идут долго. Потерпи немного.

— У папы не первое ответственное задание. Но ты никогда не плакала, как сейчас. Кому тогда ты вчера письмо писала?

— Письмо? Что ты, Лёнька, — краснеет она. — Я никому ничего не писала. Это я тетради проверяла.

— Тетради... Думаешь, ребята из твоего класса не рассказывают мне по секрету, какая грустная ты приходишь к ним на уроки. Даже учителя с тобой, как с больной, разговаривают.

— Вот что, сынок! — Голос мамы звучит необычно сухо и жёстко. — Поговорим лучше о твоих делах. Когда-то я согласилась с папой, что родная мать не должна быть классным руководителем сына. До поры всё шло хорошо. Твоей свободы я не стесняла. Но как ты пользуешься этой свободой сейчас? Тебя совсем не интересуют заботы твоего пятого «а». Любимые тренировки по хоккею заброшены. В прошлое воскресенье сбежал из театра. А в классном журнале? Еле живые троечки по многим предметам! Ты меня слышишь?

— Слышу, — покорно отвечает он.

Она напоминает, что раньше они понимали друг друга с полуслова, на сон грядущий беседовали по душам, а выходные посвящали друг другу. И вообще, не начать ли следующую субботу с похода в кино... Сын её не слышит. А большего сказать она пока не может.

— Всё. Одевайся — и за стол. Не хватало ещё, чтобы я опоздала на урок.

Улица их встречает обжигающей позёмкой. Ветер больно хлещет по лицу. Лёнька прикрывается ладонями. Щурясь в маленькую щель между пальцами, он видит привычную картину: дорога, деревья, крыши, трубы. Всё это до зеркального блеска отполировано ветрами, которые старый друг их семьи, дядя Космач, насмешливо называет «Виртуозами Камчатки»! И то, что это так, можно убедиться прямо сейчас.

Вот порыв ветра касается смычком печных труб. И трубы отзываются звуками скрипки настолько высокими, что по сердцу пробегает холодок, а во рту, словно мятная карамелька появляется. Другой порыв касается крыш. Музыка становится гуще, торжественнее. Карамелька тает, и во рту становится сухо-сухо. Лёнька судорожно сглатывает. А ветер упруго перебирает ветви деревьев, и во все стороны дробно разлетаются падающими льдинками переливы арфы. Смычок скользит по дороге, и та отвечает мяукающими звуками виолончели.

— Лёнька! — Мама разворачивает его к себе. — Ты выбрал не лучший способ для закаливания. Повернись-ка к этому сумасшедшему урагану спиной.

Сын улыбается смёрзшимися губами, приподнимается на цыпочки и кричит ей в ухо:

— Послушай, как всё распелось сегодня!

Мама с трудом улыбается в ответ.

— О песнях ничего сказать не могу. А вот ветерок-то сегодня разгулялся, как Соловей-разбойник.

— Соловей-разбойник? — Лёнька подставляет лицо встречному ветру.

А тот свистит, воеет, хохочет, сбивает с ног.

И тут Лёньке начинает казаться, что между деревьями, помаргивая жёлтыми подслеповатыми глазищами, появляется скалящаяся физиономия самого настоящего разбойника. Он хватается маму за руку.

— Вижу. — Мама прижимает сына к себе. — Пожалуй, этот автобус не остановится. Не притормозить ему на таком гололёде.

Но машина, к их удивлению, со скрипом тормозит, и для них находится местечко. Сразу становится жарко. Лёнька с надеждой поглядывает на маму: может, разрешит снять шапку. Но та уже о чём-то беседует с двумя морскими офицерами. Они были на дне рождения у папки. Немудрено, что Лёнька их запомнил. Это был единственный день рождения, который папке удалось провести дома. Он очень хотел отпраздновать его в семейном кругу, но мама возразила. Космач с Аней придут, подругам из школы не раз было обещано.

И точно. Народу привалило... С трудом всех разместили за столом. Весёлые военные лётчики, бородатые геологи, учителя, и даже незнакомый артист с гитарой пришёл из драмтеатра. Он весь вечер пел удивительные песни. Лёньке особенно запомнилась одна. Про капитана ВВС Донцова. Лётчики несколько раз просили её повторить. Уйдя на спектакль, он оставил в подарок кассету с этой и многими другими песнями. Лёнька позже узнал, что написал их знаменитый бард Юрий Визбор. Папка всегда слушал именно её, когда выпадала свободная минута. Но стоило зазвучать песне о капитане Донцове, мама сразу же выходила из комнаты. Дядя Космач принёс медвежью шкуру. И, хотя Лёнька старательно отводил от неё восторженный взгляд, папка сразу отнёс шкуру в его комнату. Лёнька завизжал от радости. Потом ему стало стыдно, он начал мямлить, что не хотел отбирать такой подарок. Но папка пресёк его нытьё. А дядя Космач поклялся бородой, что для лучшего друга скоро раздобудет точно такую же, один в один!

А какие кораллы преподнесли! На них Лёнька мог смотреть часами. Ранним утром они пепельно-серые. На солнце они светятся нежно-розовым цветом. Вечером мерцают зеленоватым блеском далёких звёзд. А когда перед сном гасят свет — стынут зимним молчаливым лесом.

— Приехали! — Мама прерывает приятные воспоминания сына лёгеньким толчком в спину.

Лёнька шагает из тёплого автобуса, и ледяное крошево охватывает их со всех сторон. На пороге класса он натывается на Серёжку и неловко опускает глаза. Можно сделать вид, что ничего особенно не случилось и пройти мимо. Но они — закадычные друзья, хоккеисты, а он пропускает тренировки. И тут же рядом, как тролль из табакерки, возникает Ирка. Её лицо, с которого веснушки не сходят даже зимой, пылает от негодования.

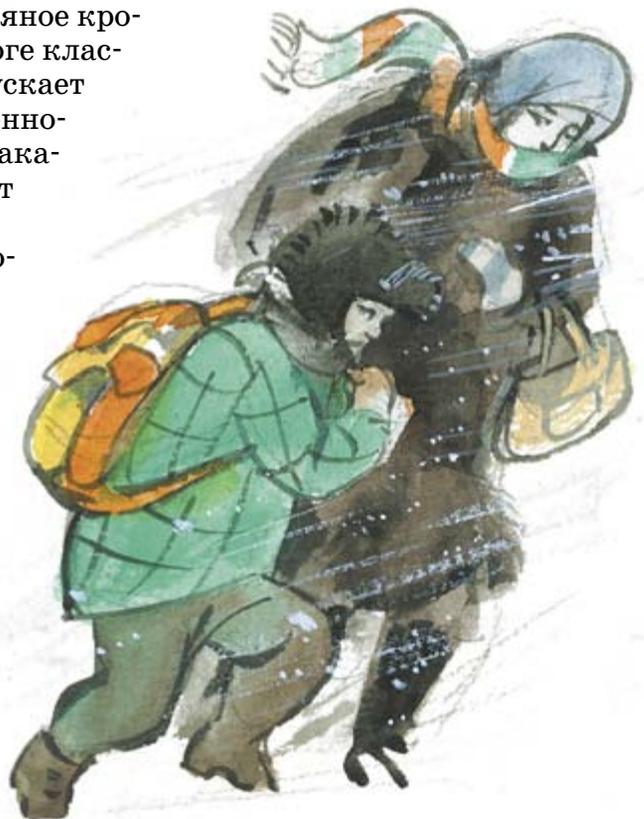
— Явился — не запылился, «звезда» школьного хоккея! В понедельник, между прочим, игра с 5 «б»!

— Отвянь, староста, — отмахивается от неё Лёнька. — Больше пропусков тренировок не будет.

— Ах, он нам одолжение делает! Почему вчера на сбор не остался? Почему не пошёл с нами к больному Евсееву? Почему срываешь занятия географического кружка? Так вот, вопрос о твоём недостойном поведении мы разберём...

— Это я веду себя недостойно?

— Ты!

— Не тебе говорить, не мне слушать! Как домашнее задание по алгебре сдать — первая за моей тетрадкой в очередь становишься.

— Это не по-мужски, Строков, — фыркает Ирка. — И запомни. Отрыв от коллектива даже для великих учёных плохо заканчивается. Это любому ученику должно быть известно. Так вот про твой отрыв от 5 «а» мы сейчас и обсудим.

— И контрольную по математике отменили по этому поводу?

— Екатерина Игоревна заболела. Нам разрешили провести классный час самостоятельно. Вот мы его и начали проводить.

Лёньке, честно говоря, всё равно. Что контрольная, что классный час. Ему только перед Серёжкой стыдно. Друг-то у него что надо. Недавно переехал в Петропавловск из жаркого Краснодара, а держит себя как настоящий камчадал. Не прячет носа, когда весь класс в сильные морозы на уроках физкультуры встаёт на лыжи. Ходит на подлёдную рыбалку. Научился играть в хоккей и даже стал капитаном классной сборной. Но разве он, Лёнька, виноват в том, что всё свободное время старается проводить дома? Ему кажется: пока он играет в хоккей, гуляет с ребятами, может приехать папка. Бывали случаи, когда тот заезжал всего на пару часов, а его дома не было.

Лёнька дружески толкает Серёжку в плечо.

— Ты не обижайся на меня? Я тебе потом всё объясню...

— Объяснять будешь не ему, а общественности, — вклинивается между ними Ирка. — И это, между прочим, твой лучший друг предложил.

У Лёньки перехватывает дыхание.

— Так это ты инициативу проявил? А я собрался тебе всё рассказать.

— Поздно, — ехидно улыбается Ирка. — Выкладывай при всех, что за горькая беда с тобой приключилась?

Лёнька беспомощно смотрит на класс, мучительно пытаясь подобрать нужные слова.

— У меня папа уехал... я всё время стараюсь быть дома. Вот и всё.

— Всё? — недоверчиво спрашивает кто-то.

— Всё. Он уехал, а я дома.

— Лёнь, — Серёжа озадаченно смотрит на него, — это мы знаем. Ты говорил, отец уехал на задание. Так у многих из нас отцы моряки и лётчики.

— Но папа может приехать, а меня дома нет.

— Ну и что? — недоумевают Ирка. — Найдёшься, не в лесу живём. И чего это ты заладил: «дом, дом». Тоже мне домовый.

Класс какое-то мгновение переваривает сказанное Иркой и взрывается оглушительным хохотом. Тут от парты к парте покатилося:

— Домовой! Домовой!! Домовой!!!

Лёнька хватается за шиворот первого, оказавшегося под рукой, одноклассника и сбрасывает его на пол. Тот поднимается в злом недоумении:

— Ты чего пихаешься? Я тебя сейчас так пихну! До самого дома будешь лететь и радоваться. Домовой запечный!

— Рискни здоровьем. — Лёнька замахивается...

Девчонки визжат. Серёжка пытается разнять «петухов» и получает затрепину. Дверь класса отворяется, и на пороге появляется внушительная фигура директора школы.

— По какому поводу из-за поясов рвутся пистолеты? — насмешливо спрашивает он.

— Игорь Матвеевич, — драматическим шёпотом произносит Ирка, — Строков дал в глаз Малышеву...

— Врёшь! — наступают на неё Серёжка. — Я случайно...

— Строков, Малышев, возьмите сумки и марш ко мне в кабинет на суд праведный. Объяснения выслушаю в порядке очерёдности.

В кабинете он утвердительно кивает в такт сбивчивой речи Серёжки, затем переводит печальный взгляд на не проронившего ни слова за всё это время Лёньку.

— Я думаю, всё так и было?

Мальчишка с трудом кивает головой.

— Иди, Серёжа, в класс.

Подождав, пока за ним закроется дверь, директор подходит к Лёньке.

— Сейчас я найду в пятый «а» и сам поговорю с ребятами. Маме о случившемся тоже скажу сам. А ты иди домой. Да, да, — директор осторожно проводит ладонью по его волосам, — иди.

* * *

Промёрзшая школьная дверь тяжело бухает за спиной. Лёнька в нерешительности спускается по ступенькам. Куда теперь идти? Дома предстоит объяснение с мамой. Девчонки уже наверняка по всей школе разболтали о драке. Учителя начнут приставать к маме с расспросами. Стоп. Никто к ней приставать не будет. Лёнька припоминает события последних дней и... холодеет от страха. Неужели на самом деле что-то случилось с папкой? Он с размаху закрывает себе ладонью рот, чтобы не закричать, и врзает себе кулаком по лбу. Мешает шапка. Он рывком стаскивает её. Вот тебе на — ветра-то нет и в помине! Значит, открыли аэропорт! А вдруг папка прилетит сегодня? Он кидается к автобусной остановке. И вот уже машина мчит. Надрывно урча, преодолевает нелёгкий подъём, минует седьмой километр, восьмой... Здесь особняком стоят дома, которые в порядке эксперимента отапливают термальными водами. Завидно. Титан дровами топить не нужно! Мелькают на сопках кривые камчатские берёзы. Естественно, ведь здесь только согнувшись уцелеешь. Из-за туч над сопкой выглядывает солнце. Его режет пополам взметнувшийся на камне пропеллер — памятник погибшему лётчику. Таких памятников на Камчатке много. Лёнька стаскивает шапку. Так всегда поступал его отец. Наконец сопки расступаются. Автобус, описав широкий полукруг, останавливается.

Аэропорт. Лёнька любит приезжать сюда. Это не какая-нибудь транзитная точка. Это самая восточная взлётная полоса нашей страны. Те, кто здесь работают, первыми встречают солнышко. Правда, видеть его приходится нечасто.

В году дней сорок, не больше. Но всё-таки оно начинает свой путь по нашей Родине с земли, которая называется чудесным словом — Камчатка! И, наконец, сюда иногда прилетает папка. И тогда Лёнька с мамой торжественно встречают его здесь. Он выходит из самолёта в повседневной гражданской одежде, с чемоданчиком и шагает себе, как все пассажиры. А тем и невдомёк, что рядом идёт настоящий герой. Попробуйте получить в мирное время три боевых ордена. Один из них Лёньке нравится больше всего и вызывает особую гордость — Орден Красной Звезды! Лёнька входит в зал. Чувствуется, вот-вот дадут вылет. И тут раздаётся:

— Внимание! Граждане пассажиры, прибыл самолёт из Хабаровска, выполняющий рейс 4936 по маршруту...

Он подбегает к огромным окнам в надежде, что удастся разглядеть, как к самолёту подвозят трап. Появляются первые пассажиры. Ему кажется, что среди толпы вот-вот мелькнёт знакомая фигура. Сердце сжимается в маленький, колотящийся о рёбра комочек... Нет.

Лёнька понуро выбирается из толпы и идёт к выходу. С чего он взял, что папка прилетит? А может, он прилетел туда, где самолёты садятся и поднимаются при любой погоде? А может, он уже дома? Лёнька работает локтями и налетает на огромного роста мужчину в прожжённой во многих местах штормовке.

— Простите, пожалуйста. — Он поднимает голову, и лицо его расплывается в улыбке: — Дядя Космач!

Тот подхватывает мальчишку и прижимает к своей необъятной груди. Борода щекочет Лёньке лицо, он чувствует, что задыхается, и с удивлением понимает, что плачет. Бородач растерянно и смущённо гудит:

— Перестань, Леонид, слышишь? Народ вокруг собирается. Да что с тобой?

— Ничего, — всхлипывает в ответ Лёнька, — сам не знаю...

— Ну, это ты, брат, того... У мужиков глаза ни с того ни с сего не мокнут. Чтобы мы рассиропились, судьба крутенько нас просолить должна. Двойку, что ли, получил? Нет? Остальное приложится. Перестал хлюпать? Марш к выходу!

В «Запорожце» он сажает Лёньку на переднее сиденье, сам с трудом протискивает тело между рулём и спинкой, включает зажигание. Руль в его огромных лапах кажется игрушечным. Машина трогается с места. Некоторое время едут молча. Лёнька шмыгает носом. Ему на колени падает платок.

— Вытри нос. Вот так. Есть хочешь?

— Я в школе бутерброд... — И тут до него доходит: кушать-то, ой как хочется.

Бородач без дальнейших разговоров нажимает на кнопку. Перед Лёнькиным носом откидывается крышка, под ней — углубление, разделённое перегородкой. Из одного отделения достаётся пакет, из другого — термос.

— А ты?

— Я домой заезжал, — усмехается в бороду дядя Космач. — Поел. Ты без разговоров нажимай на пирожки и какао. Это я для приятеля захватил. Он задержанным рейсом прибыл. А за ним жена неожиданно с сумкой продуктов прикатила.

Пока мальчишка глотает один пирожок за другим, бородач насвистывает свою любимую песенку «Спокойно, дружище, спокойно, у нас ещё всё впереди». И только когда осоловевший от еды Лёнька начинает клевать носом, осторожно спрашивает:

— А что ты в порту делал?

— Я?... — Лёнька моргает отяжелевшими веками. — Папку встречал.

Дядя Космач крикает и сжимает руль.

— Он телеграмму дал?

— Нет, — беспечно отвечает Лёнька, — это я так, на всякий случай.

— На всякий... — Бородач неопределённо покачивает головой. — По времени ты ещё в школе находиться должен. Мать знает, что ты сюда покатишь?

Ответа нет.

— То-то и оно. Выходит, матери от тебя опять неприятность получается.

— Ничего не получается. Я целые дни с ней провожу, а она всё молчит или плачет.

Бородач резко прибавляет скорость. Такая езда Лёньке по душе. Папка утверждает, что быстрая езда снимает нервное напряжение. Лёнька не знает, есть ли у него это самое нервное напряжение, но тяжесть на душе полегоньку рассасывается. Он доверчиво касается плеча друга.

— А меня в школе «Домовым» обозвали.

— Почему?

— Это длинная история, — вздыхает Лёнька.

— Я, брат, как раз, длинные истории очень люблю. Пока до города доедем, пока тебя домой доставлю, твоя длинная история и закончится.

— Ладно, расскажу. Только ты мне сперва расскажи, тебя Космачом за бороду прозвали?

— Не за бороду, — улыбается тот. — Тут совсем другая история. Когда Гагарин в космос полетел, ходил я вторым помощником на «Николаевске». Сам понимаешь, такое событие! Я брякнул сгоряча: спишусь с корабля, в авиацию подамся. В космос хочу! Ребят насмешил. А твой отец меня Космачом прозвал. Прилипло намертво. Бороду из-за этого пришлось отпустить. А то все с вопросами: почему Космач? Вот такая, брат, история с географией.

— У меня тоже, с географией... — со вздохом начинает рассказ Лёнька.

Дядя Космач слушает и тоже потихоньку вздыхает в бороду. Когда мальчишка заканчивает, он слегка оборачивается к нему и легонько гудит:

— Что на ребят обиды не держишь — молодцом! А до настоящего домового, верного помощника в любом житье-бытье, тебе ещё расти. Ты ещё так. Домовёнок, одним словом. А теперь слушай мою команду! Завтра суббота? Значит, быть нам с тобой на рыбалке. Гольцом разживёмся, ушицу себе знатную сотворим — медведи из берлоги на запах поднимутся. А домой сколько привезём. Не сосчитать.

— Поехали, — загорается Лёнька. — Рыбки свежей ужас как хочется!

У дома они выходят из машины вместе.

По взгляду матери сын понимает — предстоит неприятный разговор. Но старый друг не даёт ей и рта раскрыть.

— Не мечи молнии, Елена, — негромко говорит он, — ничего страшного не случилось. На кухню пройдем...

Лёнька моет руки и всё время слышит то приглушённый бас бородача, то мамины короткие восклицания. Но стоит ему войти на кухню, как разговор стихает. И всё же он успеваешь услышать: «Попробую, объясню»...

Вид у обоих расстроенный. От ужина дядя Космач отказывается.

* * *

За чаем Лёнька выжидающе смотрит на маму. Она долго держит чашку в руках, не прикасаясь к ней губами. И, наконец, произносит, только совсем не то, что ему хотелось бы услышать.

— А я на тебя вовсе не сержусь. Мне просто обидно, что ты не предупредил меня, что собираешься в аэропорт. Я очень волновалась.

— Вот сейчас и объясни мне всё. А я обещаю больше никогда не волновать тебя. И со спектаклей сбегать не буду. Честное слово.

— Лёня, — устало произносит мама, — мне тебе действительно сейчас нечего сказать.

— Но ты же только что говорила дяде Космачу, что «попробуешь мне объяснить». Я слушаю тебя.

— Ты ещё и подслушивал?

— Так о чём вы секретничали?

— Я тебе скажу, но... через неделю. Даю слово, Лёнька, через неделю.

— Хорошо. — Он рывком встаёт из-за стола. — Тогда всю неделю я буду сидеть в своей комнате. В школу ходить — не буду! С тобой разговаривать — не буду! Домовым буду!

Мама беспомощно смотрит ему вслед. Так она сидит очень долго. Наконец, решив что-то для себя, тяжело поднимается, идёт в спальню, достаёт из тумбочки связку писем и открывает дверь в комнату сына. Лёнька спит на медвежьей шкуре. Она осторожно раздевает его, укладывает в постель, кладёт письма под подушку и выходит.

* * *

Утром Лёнька поднимается ровно в семь. Зарядка, душ, рюкзак на плечи, записка маме. Ветра сегодня нет. Не слышно его разбойничьего посвиста в иссечённых трубах. Небо бледно-голубое, усыпанное ватными клочками облаков. Но это ничего не значит. В любое мгновение эти облака могут разбухнуть, превратившись в тучи, и свинцовой крышкой придавить город. Завертит метель! Отойдёшь от родного подъезда на пару шагов, а обратной дороги уже не сыскать. Он перебегает улицу, проходит переулком. Перед ним рубленый двухэтажный дом дяди Космача. Тот сразу появляется, будто специально поджидал его, и тоже подозрительно поднимает глаза к небу.

— Глянь-ка, вон облачко зацепилось за Авачинский вулкан. Не задует, как думаешь?

— Не должно, — солидно отвечает Лёнька.

Они садятся в машину.

— Вот термос, вот бутерброды. Поди, опять не евши?

Мальчишка только пожимает плечами.

— На ходу навернёшь. Поехали с орехами...

Через час кривой улочкой села машина сворачивает к занесённой снегом избе с вывеской «Кооперативный магазин».

— В случае чего, — усмехается бородач, — тут свежей рыбки купим.

— Мы же с рыбалки поедим, — недоумевает Лёнька.

— Вот именно. И лыбиться тут нечего. Выбирайся из машины, бери рюкзак, трижды сплюнь через плечо, мол, ловись, рыбка мала и велика! Дальше пёхом, пёхом. Машине тут не пройти.

Они идут, проваливаясь в сугробы, которые застывшими волнами вздымаются со всех сторон. Внезапно лес расступается, и на них тянет сыростью речки, стремительные воды которой не замерзают даже зимой.

— Держи. — Дядя Космач протягивает ему банку с красной икрой.

— Не хочу я икры.

— Это не тебе, это для наживки. Голец, он красную икру, шельмец, уважает. Вот тут остановимся.

Разделённая упавшим деревом заводь Лёньке нравится. Течение реки здесь не ощущается нисколько. Для рыбалки — в самый раз.

— Ты садись здесь, а я вон за те кустики отойду. Только не шуми, рыбка шум не уважает. Икринку аккуратненько на крючок. Молодец! Забрасывай... не дёргай так удочку. Хорош.

Икринка звёздочкой вспыхивает в голубоватой глубине заводи. Тихо так, что даже думать хочется шёпотом. Спокойствие этого мира нарушают только играющие друг с другом в пятнашки мальки. Но вот из-под коряги высовывается голец постарше. Он воровато оглядывается. Видно, мама, уплывая по своим рыбьим делам, строго-настрога велела ему сидеть дома. Но вокруг никого из взрослых не видать. Резвящиеся малыши не в счёт. Успокоившись, он выплывает на простор и не верит глазам своим! Прямо перед ним, пульсируя красными лучиками, покачивается таинственная и прекрасная звёздочка, о которой он слышал столько страшных историй. Мама перед сном пугают ею своих детей, и те засыпают без разговоров. Но вот она маняще покачивается перед ним. Вполне съедобная на вид. В сказки он давно не верит и стремительно несётся к цели...

Лёнька едва успевает выдернуть удочку перед самым носом смельчака.

— Кто же дёргает раньше времени?! — В голосе дяди Космача звучит неподдельная досада. — Битый час сижу, хоть бы паршивая рыбёшка попалась. А тут такой экземпляр! Кому Расскажи — не поверят! Обождать надо самую малость. Потом тянуть.

— А как же мама без него жить будет?

— Кто-о?

Лёнька с упоением начинает рассказывать дяде Космачу то, что ему привиделось. Тот слушает, крикает, ерошит бороду.

— А, впрямь, жалко неслуха. Ты вот что, оставь удочку и разжигай костёр. А я пойду к мосту, попробую на подсечку. Тут уж ничего не поймаешь. Твой дружок уже всем разболтал, для чего мы тут устроились.

Костёр он разжигать умеет. Нужно наломать засохших веток с берёз и разломать их на мелкие щепки. Потом обложить их бумагой. Прикрывая спичку ладонью, Лёнька подносит её к щепочке. Уж больно она тоненькой кажется на вид. Слабенький язычок пламени нехотя лижет её и, пренебрежительно фыркнув, исчезает.

— Не нравится, — бормочет Лёнька и поджигает бумагу.

Язычки появляются со всех сторон, лижут кору, устремляются вверх, один лихо перекусывает сучок пополам..

— Вкусно? — спрашивает Лёнька.

Вместо ответа язычок заглатывает небольшую веточку и начинает расти на глазах. Лёнька подбрасывает ещё и что-то приговаривает себе.

— Ты с кем разговариваешь? — озабоченно спрашивает дядя Космач.

Лёнька даже не заметил, как он подошёл.

— Да это я так, костёр прикармливаю.

— Ну-ну. И нам бы не грех закусить. Только рыбы в этом клятом месте нет. Дай-ка сюда рюкзак!

Содержимое рюкзака оказывается на снегу. Картошка летит в золу. Кусочки колбасы насаживаются на веточки. Открывается компот, и рубиновая влага до краёв заполняет алюминиевые кружки. Немного терпения, и обсыпанная крупной солью, испёкшаяся картошка хрустит на зубах.

— За первый блин, который комом! — Дядя Космач поднимает кружку.

— И чтобы папка скорее приехал! — присоединяется к нему Лёнька.

— Кха-кха! — неожиданно давится компотом бородач.

— Ты чего? — сердобольно стучит его по спине Лёнька.

— Не в то горло попало, — сипит от натуги дядя Космач. — А мама с тобой разве не говорила?

— А о чём она должна была со мной говорить?

Дядя Космач вместо ответа опять заходится в притворном кашле.

— О чём должен был быть у нас с мамой разговор? — У мальчишки начинают дрожать ресницы.

Тот, проклиная себя в душе, пытается выкрутиться.

— О чём, о чём... я говорю ей вчера... это, может, вам к командованию сходить. Оно вам толком объяснит, почему от отца так долго нет вестей.

— Вот это да! — Лёнька подпрыгивает и начинает возбуждённо скакать вокруг костра. — Вот это да! Как я о такой простой вещи не догадался? Ура! Поехали скорее домой!

Такого поворота дядя Космач не ожидал.

— Леонид... — Он вытирает выступившую испарину со лба. — Леонид, сегодня суббота, там никого нет.

— Что ты? — удивляется его неосведомлённости Лёнька. — Там всегда кто-нибудь есть. Дежурный, например.

— Есть, да не про нашу честь! — с отчаянием говорит тот. — Так нам дежурный и сказал про твоего отца: куда поехал, зачем поехал? Про то только командованию известно. А кроме него — никто ничего не скажет. Даже если знает. Потому как — военная тайна. Уф...

Окончательно запутавшись, бородач беспомощно смотрит на Лёньку.

— Чего же ты так волнуешься? — Лёнька присаживается рядом. — Я не маленький, могу до понедельника подождать. Только дай мне честное слово, что мы с тобой вместе пойдём к папиному командиру и у него всё узнаем?

Бородач отворачивается от ясного взгляда мальчишки и долго молчит.

— Не могу я тебе, родной, такого слова дать, — буквально выдавливая из себя он. — Твой папка... — Он мучительно подбирает слова, но, не найдя ничего путного, отрешённо машет рукой: — Ушёл он от вас!

— Куда ушёл? — удивляется Лёнька.

— Я сам всего не знаю, — глухо говорит бородач. — Прости меня, сынок, врать я не обучен. А маме, получается, не под силу тебе такое рассказать.

— Ты врешь всё, — брезгливым шёпотом произносит Лёнька. — Не трогай меня, — отстраняется он. — Брехун ты, больше никто! Если хочешь знать, папка мне говорил, что умрёт без меня! И я без него умру.

Трясущимися руками дядя Космач начинает собирать рюкзак. Лёнька без единого слова наблюдает за ним разъярённым зверьком.

— Дожил! Кто меня за язык тянул? — сокрушённо бормочет бородач. — На старости лет брехуном заделался.

Он затапывает костёр, закидывает рюкзак за спину, поворачивается и тяжело шагает по сугробам. В машине Лёнька забивается в самый дальний угол заднего сиденья. У самого дома он почти на ходу выпрыгивает из машины и кричит вслед перепуганному дяде Космачу:

— Не приходи к нам больше! Никогда не приходи!

На кнопку звонка он жмёт непрерывно. Дверь открывается, в проёме появляется мама. Одной рукой она пытается сорвать бигуди. Вздыбленные пряди зловеще покачиваются в струящемся из комнаты тёплом воздухе. Губы её начинают мучительно шевелиться, и он слышит свистящий шёпот:

— Папа приехал...

— Приехал! — Сын едва не сбивает её с ног, врывается в комнату и повисает на отце. — Приехал! Надолго? — трётся он носом о колючую щеку и...отстраняется. От отца пахнет вином! Лёнька тихонько высвобождается из отцовских рук. Мучительно улыбаясь, отец тянется к сыну. Мальчишка отскакивает к матери.

— Он пьяный, мама, прогони... — Лёньку охватывает озноб.

— Что ты, Лёнька. — Она прижимает его к себе. — Что ты говоришь?

Ей хочется подойти к мужу, но сын цепляется за руку и не даёт сделать ни шага.

— Прогони его, прогони его, — бормочет он как заведённый.

— Лёня, перестань... Ты же ничего не знаешь.

— Знаю! — вскрикивает Лёнька. — Он ушёл от нас!

— Сынок! — закрывает ему ладонью рот мама. — Кто тебе это сказал? Сейчас мы тебе всё объясним...

— Зачем он к нам приехал? Говорил, жить без нас не сможет, а сам... сам живой!

— Сынок, послушай меня, я тебе всё объясню...

— Ты уходил от нас, папа?!

— Не так, как ты думаешь...

— А я ещё своего лучшего друга брехуном обозвал. А ты... предатель ты, вот кто! Предатель ...

Мальчишка проваливается в черноту. Завёрнутый в медвежью шкуру, он лежит на своей кровати и монотонно тянет:

— Холодно, холодно... — Он всё время пытается приподняться, но голову тянет вниз на рас-

калённые иголки, которыми почему-то усыпана вся подушка. — Уберите иголки... уберите иголки... — монотонно просит он.

Как в калейдоскопе, перед ним мелькают лица: отца, мамы, дяди Космача, Серёжи, Ирки...

Наконец наступает день, когда лицо отца проступает совсем отчётливо. До него даже можно дотянуться рукой. Что он и пытается сделать. Отец ловит его руку и прижимается к ней губами. Лёнька приподнимается... и тут же валится на подушки. Отец осторожно обкладывает его этими самыми подушками со всех сторон. Затем исчезает на кухне и через мгновение возвращается с чашкой дымящегося бульона. Лёньке становится весело. Папка, как в детстве, кормит его с ложечки, но ему это очень даже приятно. Лёнька засыпает. Спит крепко, без мучительных сновидений. И просыпается абсолютно здоровым человеком. Его подмывает вскочить на медвежью шкуру! Но делать этого нельзя. В ногах, прислонившись к спинке кровати, спит папка. Чтобы не разбудить его, сын старается не шевелиться. Но отец просыпается. Какое-то мгновение у него ничего не понимающий взгляд. Но вот этот взгляд вспыхивает жгучей радостью, которую сменяет неуверенность, боль и даже страх. Взрослый человек прячет этот взгляд от ребёнка. И тому начинает казаться, что это он — взрослый. А папка — маленький, жалкий, виноватый. Мальчишке становится жутко, и он с криком кидается на грудь отцу:

— Не будь таким! Не будь таким, слышишь?!

Лёнька попадает в крепкие отцовские руки и слышит, наконец, такой привычный, родной, мужественный голос:

— Не буду сынок. Таким жалким я больше никогда не буду!

И всё становится на свои места.

Они долго сидят обнявшись. Потом папка берёт со стола связку писем и протягивает Лёньке.

— От кого это? — неуверенно спрашивает сын.

— Это, сынок, мои письма маме. Они лежали под твоей подушкой. Нам хотелось, чтобы ты прочёл их самостоятельно. Но мы слишком затаили с этим решением. Ты же в тот день на рыбалку уехал. Потом — нелепый разговор с Космачом. Поверь, даже он толком ничего не знал о моей беде. А твоя болезнь — это результат моей трусости, слабости и, чего греха таить, негодяйства по отношению к вам с мамой.

Лёнька видит, как нелегко даются отцу эти слова. Он нехотя берёт конверты в руки, но тут же кладёт их на одеяло.

— Нет, папа. Если бы раньше... Теперь лучше ты Расскажи мне всё своими словами.

— Может, ты и прав.

Он медленно встаёт, отходит к окну, долго смотрит на заснеженное пространство между домами и негромко начинает:

— Неожиданно для всех, а больше для меня самого, на последней медкомиссии выяснилось, что летать я больше не смогу. Сердце дало сбой. И, как сказали врачи, очень серьёзный сбой. Даже в госпиталь хотели законопатить. Я до сего дня знать не знал, с какой стороны груди оно у меня находится. Все разговоры с комиссией, обещание заняться здоровьем ни к чему не привели. Приговор — наземная служба. И я ушёл в штопор. Ничего не сказав ни маме, ни Космачу, ни тебе, взял отпуск и... Пстой, маме я успел невнятно сказать, что меня якобы посылают в командировку, что я ей оттуда напишу. Она по моему отчаянному виду догадалась, что не всё ладно. Но, как жена военного, вопросов не задавала. А жаль. Правда, в ту минуту больше всего на свете я боялся этих самых вопросов. Не мог я толком понять, как это в одночасье можно стать никем и ничем. Увы, сынок, но в эти страшные для меня минуты я думал только о себе, о своих проблемах. И поступил как последний эгоист. Ты вот предателем меня назвал. Так я и поступил, как самый последний предатель. Не криви личико, сынок. Я вижу твоё отражение в стекле. Это горькая

истина. Поначалу я кинулся в Москву «за своей правдой». А чего было там искать? Мне ж её тут чётко предъявили. Они же не виноваты, что капитан Строков с катушек слетел. А потом...

— Папа, я понял. Я всё понял...

— Нет, сынок, я должен всё сказать. Озлобился я тогда на весь мир. И тогда же впервые в жизни заглянул в рюмку. А в этом состоянии умудрился ещё и физиономию кое-кому набить.

— Ты?!

— Как-то вечером я сидел на скамеечке в парке и думал, как жить мне дальше. А тут двое каких-то паршивых шпанят начали грубо приставать к девушке. Рядом находились мужики, которые по своим параметрам были обязаны ей помочь. Но кишка у них оказалась тонка. Я кинулся ей на помощь практически сразу. Шпану уложил на асфальт, а девчонка исчезла. Появилась милиция! Они лежат, я стою. Меня и забрали. Свидетели предпочли раствориться. А те оклемались и заявили, что я их избил ни за что, ни про что.

Лёнька вопросов не задаёт, ждёт. Отец поворачивается, подсаживается к нему на кровать и без остановки заканчивает свой рассказ.

— Но порядочные люди, к счастью, не перевелись. На следующий день в милицию пришёл человек, который знал эту девушку и, услышав от неё эту историю, уговорил пойти с ним милицию, выручать своего спасителя. Потом она плакала и просила у меня прощение за то, что с перепугу удрала. Меня освободили под подписку о невыезде. Я вызвал маму на переговоры. Она ничего не поняла. Вернее, поняла, но немного иначе. Решила, что у меня с той девушкой роман. Смех и грех! Побежала за советом к Ане с Космачом. Я ей одно

письмо написал, потом другое. Попросил пока никому ничего не говорить. Стыдно же! Офицер, заслуженный лётчик. А в такой переплёт попал. Слово она сдержала. А время-то идёт. Я хоть и на свободе, но под подпиской. Ломали голову, как тебе всё это объяснить. Решили, когда вернусь, во всём открыться. Потом был суд. Меня оправдали. Я в аэропорт. Камчатка закрыта...

— Я чувствовал это. Даже встречать тебя в аэропорт два раза приходил.

— Знаю, сынок. И вины этой мне перед тобой долго не избыть. А тут ещё по дороге домой в самолёте старого приятеля по училищу встретил. При очередной посадке в Хабаровске он меня и подбил рюмку коньяка махнуть. Последнюю рюмку в этой жизни, веришь? — Отец протягивает ему свою ладонь.

— Верю, папка! — отвечает сын, и они скрепляют эти слова настоящим, мужским рукопожатием. — А что ты будешь делать? Летать-то тебе не разрешают.

— Этот вопрос уже решён. Как у Визбора про капитана Донцова поётся? «Майор он отныне, инструктор отныне, женат он, в конце концов».

— Ты — майор?! Ура!

— Позже салютовать будем. Когда Космач с Аней по этому поводу в гости к нам заявятся.

— Ой! — Лёнкино лицо покрывается густой краской. — Я его...

— Знаю, — мягко останавливает его отец. — Это тоже моя вина. Я от него уже по полной программе получил. По заслугам получил, но был реабилитирован. Кстати, разведка в лице Иры донесла, что тебя одноклассники в Домовые определили? Но это мы с тобой, сынок, пересмотрим и начнём нашу дружную мужскую жизнь заново.

— Начнём, папка! Только мне нравится быть Домовым. Правда, дядя Космач сказал, что я ещё так... Домовёнок, одним словом. А чем плохо? Домовёнок из пятого «а». Надо же за дом, в котором живёшь, уметь ответ держать. Ведь так, папка?

Мастер лирического пейзажа:

Даниил Санкин

ВИТОЛЬД БЯЛЫНИЦКИЙ-БИРУЛЯ

Продолжение. Начало см. в № 7 за 2014 год

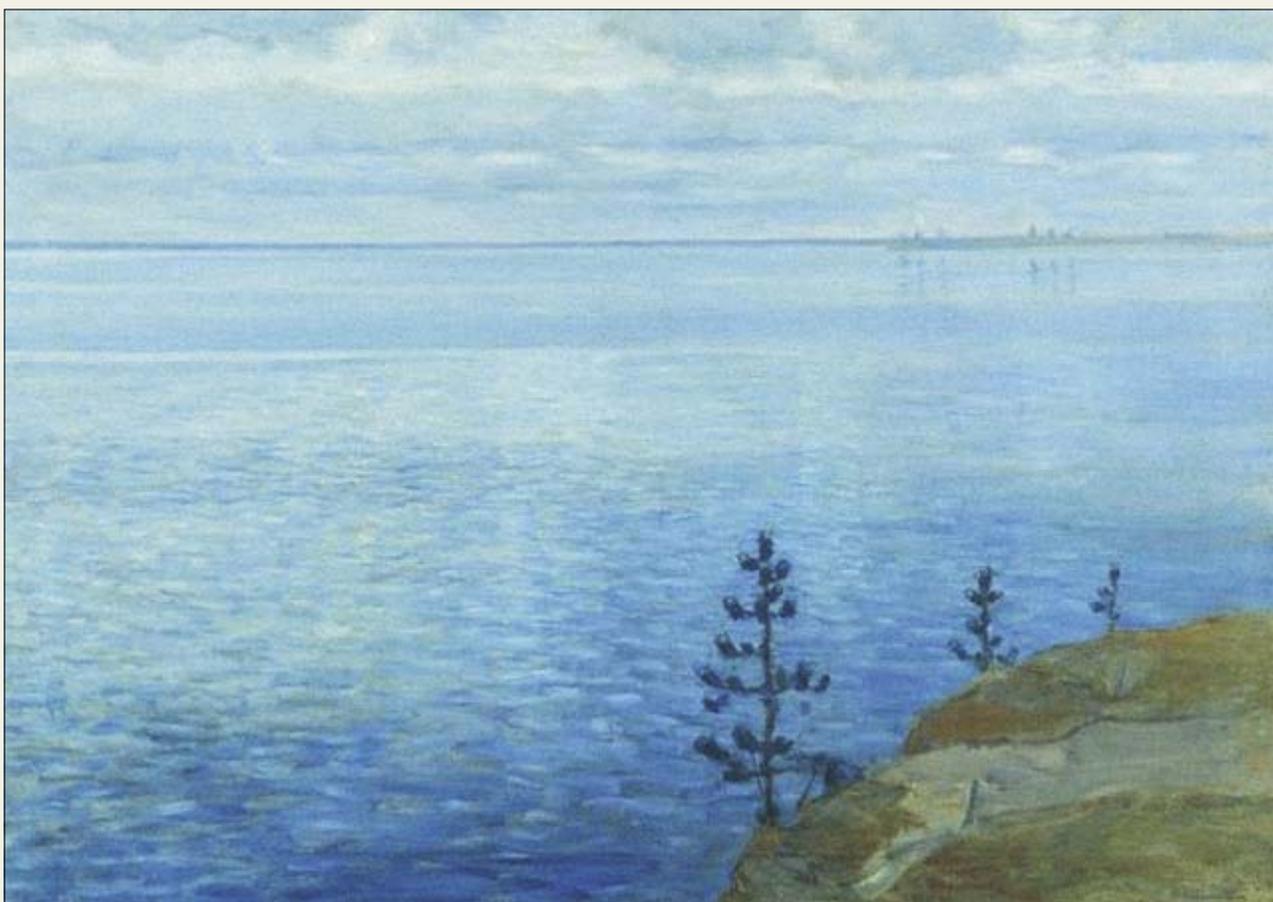
Одна из вершин творчества Бялыницкого-Бирули — картина «Зимний сон». Выразительные средства и композиция картины лаконичны, она состоит лишь из немногих линий и нескольких плоскостей. Центральное место композиционного сюжета отведено храму, возвышающемуся на фоне неба. Снег, вечернее зимнее небо, месяц и тонкие силуэты деревьев выполнены при помощи скупых выразительных средств. Тем не менее работе присуща мягкая и проникновенная эмоциональная выразительность, достигну-

тая во многом благодаря тонкой нюансировке тоновых и цветовых соотношений.

В произведении «Час тишины. Озеро Удомля» пейзажист выражает особую внутреннюю гармонию; позже художник часто репродуцировал эту картину. Ровная голубая водная гладь, бесконечное небо, краешек зелёно-жёлтого берега с молодыми соснами составляют восхитительную тоновую и сюжетную композицию. «Самое трудное, — писал Левитан, — это постичь в пейзаже верное отношение земли, неба

и воды...» За этим произведением стоят большой опыт и высокое мастерство художника.

С Удомлей, озером, которое расположено в Тверской области, пейзажист связывает очень многое. Здесь в 1912 году он приобрел имение, которое новая власть сохранила за ним и после 1917 года. Сюда он приезжал писать на пленэре, охотиться, встречаться с художниками. Его гостями в разное время были Станислав Жуковский, Алексей Степанов, Александр Моравов, Николай Богда-

Час тишины. Озеро Удомля. 1911

Зимний сон. 1911

Весна. 1911

нов-Бельский, Николай Касаткин, позже Игорь Грабарь. В «Чайку» приезжали и представители советского правящего класса. Неподалеку от имения он пишет работы «Талые воды» (1927), «Лошади у сарая» (1934), «Охотник» (1930-е).

В картинах художника мотивы природы переданы с удивительной достоверностью, его излюбленным временем года была весна. На полотнах ощущается и радость пробуждения природы, и лёгкая свежесть воздуха, и бег реки, и бесконечное небо, и основательность земли. И в зрелый, и в поздний периоды творчества Бялыницкий-Бируля сохраняет тонкость и образность восприятия

Крым. Цветущий сад. 1912

Дремлющий пруд. 1945

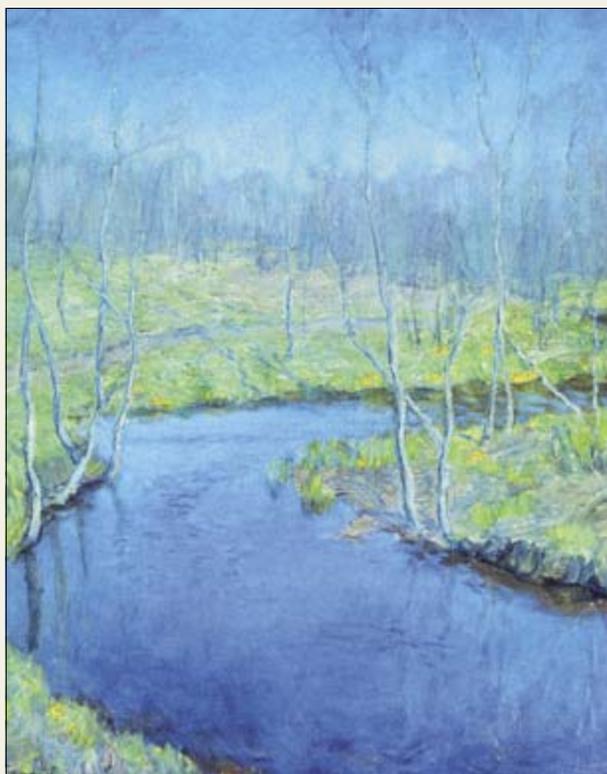
природы. Его выразительные средства по-прежнему лаконичны, а колористическая гамма сдержанна.

В 1930-е годы художник с творческими командировками посещает колхоз «Гигант», коммуны «Сеятель», стройку «Азовстали». Он побывал и за полярным кругом: «Кировск. Озеро Вудьяр» (1933), «Жилища поморов» (1933), «Начало полярной зимы» (1937).

Также Бялыницкий-Бируля вошел в историю отечественной живописи как основатель мемориального жанра. Художник запечатлевает места, связанные с жизнью и творчеством Александра Пушкина («Михайловское. Домик няни А. С. Пушкина Арины Роди-

Голубая часовня. 1912

Ранняя весна. 1953

оновны», 1936), Льва Толстого («Ясная Поляна», 1928), Петра Чайковского («Клин. Дом П. И. Чайковского. Этюд», 1942).

Как и многие живописцы, внёс свой вклад в художественное осмысление Великой Отечественной войны и Витольд Бялыницкий-Бируля; здесь можно назвать его картину «По следам фашистских варваров» (1942).

В 1944 году пейзажист был удостоен звания народного художника Белорусской республики; в 1947-м — народного художника РСФСР, действительного члена Академии художеств СССР, почётного академика Академии наук БССР. В этом же году состоялась большая персональная выставка художника в Москве и вышел ряд изданий, посвящённых его творчеству.

Витольд Бялыницкий-Бируля скончался в Москве в 1957 году. Одним из последних его созданных произведений стало небольшое полотно «Весна идёт» — характерная картина «пейзаж-настроение» в творчестве мастера.

При подготовке использовались материалы Национального музея Республики Беларусь и Энциклопедии «Кругосвет».

Просто взять и сделать

Одна девочка, которая учится в десятом классе, прислала в газету письмо. «В моей стране много недостатков, — писала она. — Но как здорово, что у меня впереди целая жизнь, чтобы что-то исправить. Просто взять и сделать».

Хочется верить, что десятиклассница, написавшая эти замечательные слова, так и поступит, так и сделает. Но возникает вопрос — о каких недостатках она говорит, что, собственно, надо исправить. Чтобы не рассуждать на эту тему вообще, абстрактно, приведу примеры из жизни. Из них видно, что этот вопрос каждый человек решает сам и действует по собственному разумению.

Москвичка Юлия Полонская, узнав, что раньше, сто лет назад, в её дворе росли фруктовые деревья, собрала своих друзей. И они посадили саженцы яблонь, груш и слив. И теперь в их дворе — сад.

Наталья Оленева, окончив с красным дипломом сельхозакадемию, приехала в родное село и увидела там печальную картину — одни её сверстники уехали в город, другие остались, но слоняются по селу без дела. «Нет, — решила она. — Я докажу всем, что и на земле можно работать и жить в достатке, с радостью». И возглавила колхоз. И односельчане заработали. Особая забота Натальи — доярки. Известно, что труд у них нелёгкий. Я добыюсь, говорит она, что у доярок будет комната для отдыха с кожаными диванами и душевыми кабинами.

Перед окном жителя калужского города Таруса Андрея Зайцева был овраг, заваленный всяким мусором. Андрей сам собрал весь этот мусор — вывозить его пришлось на 13 грузовиках. На свои деньги — он копил на машину — нанял тяжёлую технику, и на месте свалки был вырыт пруд. По берегам Андрей посадил деревья, поставил лавочки. И там теперь гуляют окрестные жители. А пруд тот называют не иначе как Зайцевским.

Николай Егин из Рязани тоже решил бороться с мусором. Он придумал и сделал специальную печь. Сжигая мусор, она даёт тепло, которым можно обогреть весь дом.

А вот Сергей Сотников из Ижмы 12 лет по собственной инициативе убирал заброшенную взлётно-посадочную полосу — когда-то здесь был аэродром. Он не разрешал по ней ездить на машинах, вырубал кустарник, подметал, чистил. И в результате — спас пассажиров ТУ-154, который, терпя бедствие, благополучно приземлился именно на эту затерянную среди лесов полосу.

А какие недостатки видишь ты? Хочешь ли ты их исправить? Ведь у тебя, как и у той девочки из 10-го класса, тоже впереди целая жизнь...

Свои размышления на эту злободневную тему я хотел бы закончить стихами одного известного поэта:

*Нам пора бы разобраться,
В чём причины наших бед,
В доме собственном прибратья.
Ведь у нас другого нет.*

«И девушка наша»

Юлия Друнина...Её чуткая к справедливости и красоте душа в девичьем возрасте попадает в крошечный ад войны: бомбёжка, контузия, работа санитаркой в условиях фронта, и позднее — почти смертельное ранение (пуля прошла в 2 мм от важной артерии). Естественно — госпиталь в тылу, инвалидность, возможность приносить пользу и вдали от фронта. Но такова была закваска молодого в те годы поколения, что «быть полезным в тылу» большинством из них расценивалось почти как предательство: ведь там, под огнём, гибнут их товарищи, решается судьба большой и любимой страны.

*Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год...*

Уже с 11 лет она стала сочинять стихи, в которых — и неясные мечты о будущем, и надежды на встречу, конечно же с принцем, и многое из того, что переходит в первые собственные строки из прочитанного ранее и услышанного от старших. После ранения в 1943 году, простившись с госпиталем, Друнина делает попытку поступить в Литинститут, и — мимо. И запомнит этот урок несправедливости: ведь ей есть что сказать!..

И действительно, за спиной — не только огонь и человеческое горе, но и любовь.

*...Любимые нас целовали в траншее,
Любимые нам перед боем клялись.
Чумазы, тощие, мы хорошели
И верили: это на целую жизнь...*

И тут невозможно отделить одно от другого, хотя впоследствии иные критики ставили ей в укор: дескать, сколько можно о войне-то!.. Можно, если она не отпускает.

*...А вечером над братскою могилой
С опущенной стояла головой...
Не знаю, где я нежности училась,
— Быть может, на дороге фронтовой...*

Она снова отправляется на фронт, уже в звании старшины медицинской службы, повзрослевшая, узнавшая цену человечес-

ким достоинствам и преступным слабостям, кои на фронте встают во весь рост; и безымянному, но не менее прекрасному, подвигу и карьерным победам тех, кто стремился и в этих условиях пробиться наверх, к званиям и удобствам. Вот почему и в мирной жизни ей претила любая чиновничья спесь, вот почему она становилась резкой и наотмашь откровенной, когда встречала посягательства на свою или чью-то личную честь, всеми силами души оберегая святую память о павших на той страшной войне, в том числе и за принципы честности и мужества.

*...Я пальто из шинели давно износила.
Подарила я дочке с пилотки звезду.
Но коль сердце моё тебе нужно, Россия,
Ты возьми его. Как в сорок первом году!*

Она была окончательно освобождена от военной службы в сорок четвёртом, после тяжёлой контузии. И конечно же вскоре снова переступила порог Литературного института. А вернее, помня недавний опыт, совершила тихую атаку: просто пришла, просто заняла место в аудитории и просто сдала со всеми вместе экзамены за уже начавшийся без неё семестр. Она не могла уже позволить кому-то снова дать ей от ворот поворот, ибо уверена была в своём истинном призвании, за которое надо было побойтаться. Вот так, тихо, но по-фронтовому.

в походной шинели...»

Послевоенная Москва не баловала никого, в том числе пришедших с войны, часто не имевших надёжного тыла и надёжных средств к существованию. Потому солдатские сапоги и шинель не спешила снимать и Юлия. Тем более что и поэт Николай Старшинов, ставший ей мужем, тоже — бывший фронтовик. Родилась дочь, вместе росли как писатели, старались вырваться из бытовых неурядиц.

Подросла дочка, стали выходить сборники, оба — и Юлия, и Николай — были уже самодостаточными людьми и писателями, и через 15 лет супружеской жизни разошлись, оставшись добрыми друзьями. В своих воспоминаниях бывший муж очень тепло отзывался о ней: «Смешная, трогательная, наивная, бескомпромиссная, незаурядная, светлая...»

А вскоре к ней пришла та любовь, что делает из женщины королеву, прощает слабости, окружает сердечным теплом и заботой. Можно смело сказать, что без этого многолетнего союза — поэта Юлии Друниной и Алексея Каплера, киносценариста, популярного телеведущего и просто красивого и мудрого человека — мы бы не знали той прекрасной женщины (многие

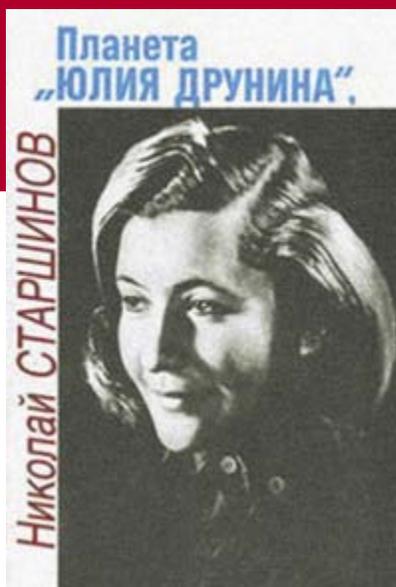
сравнивали её с Любовью Орловой), известной писательницы и общественного деятеля, каковой в эти годы стала Юлия Владимировна.

Одна книга выходила за другой. Её имя становилось не просто известным, но и особенным на фоне всей отечественной поэзии тех лет.

Её новые книги «В двух измерениях», «Окопная звезда», «Я родом не из детства» пользуются искренним интересом читателей. Выходит повесть «Алиска», автобиографическая — «С тех вершин...», публицистика. Всё это говорит о большом диапазоне её творчества, уровне таланта. И не случайно в 1975 году за книгу «Не бывает любви несчастливой» она была награждена Государственной премией РСФСР им. М. Горького.

В 1967 году Друнина побывала в Германии, в Западном Берлине. И когда бывший немецкий солдат спросил её, как же она не только выжила в той войне, но сохранила свою красоту, да ещё и пишет стихи, Юлия Владимировна коротко ответила, что воевала совсем на другой стороне. Вряд ли в этот момент на её груди сияли ордена и медали, среди которых Орден Отечественной вой-

ны I степени и достойнейшая из медалей — «За отвагу».

В эти же годы вошли в народ её знаменитые строки, которые конечно же останутся в истории:

*Я только раз видала рукопашный,
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Но и традиционной лирике уделяется всё больше времени, о чём говорят и названия книг: «Бабье лето», «Не бывает любовь несчастливой», «Разговор с сердцем», «Современники»...

*И опять ликованье птичье,
Все о жизни твердит вокруг.
Тешит зябликов перекличка,
Дятлов радостный перестук.*

*Поднимусь, соберу все силы,
Пусть ещё неверны шаги.
Подмосковье мое, Россия —
Душу вылечить помоги!*

С болью она встретила вести о развале СССР! И Друнина приняла этот вызов. Никто не мог заставить её поступиться теми принципами, что ковались на фронтовых дорогах. И она как может — выступлениями, печатными «горячими» работами — пытается остановить эту волну порой жестокой вседозволенности, не жалуящей тех, кто слабее или принципиальнее: тех же афганцев, много переживших и оказавшихся людьми второго сорта на собственной родине.

*Ухожу, нету сил. Лишь издали
(Всё ж крещёная!) помолюсь
За таких вот, как вы, — за избранных
Удержать над обрывом Русь.*

*Но боюсь, что и вы бессильны.
Потому выбираю смерть.
Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!*

Последний вызов бывшей отважной фронтовички рыночному времени и всем, кто пустил под откос «наш бронепоезд», чтобы лишить людей гордости за великую страну и её историю. 21 ноября 1991 года Юлии Друниной не стало.

Одной-двумя строками она брала читателя в плен, оставалась надолго в душе многих, для кого искусство — это не красивые слова или приятный глазу пейзаж, а то, что помогает каждому достойно жить и оставаться на этой земле Человеком.

Юл. Друнина

Рассказы

ЖИВОЙ
УГОЛОК

Пойдём со мной

Дело было под вечер; я шёл по идущей через лес асфальтовой дороге. Смотрю — у края дороги на асфальте лежит лисёнок. Наверное, сбила машина. Думаю, возьму его, покажу ребятишкам в посёлке. Но вот когда до лисёнка осталось метров десять, он открыл один глаз, потом второй, привстал, сладко зевнул, потянулся, сел и, улыбаясь приветливо, посмотрел на меня. Я остановился, а лисёнок повернулся и неторопливо побежал. Потом присел и подождал, пока я к нему подойду поближе, отбежал и снова подождал меня. Вскоре лисёнок свернул по тропке в лес. Но и мне надо туда же. Потом дорога раздвигалась. Лисёнок побежал налево, а мне надо было направо.

— Прощай, лисёнок!

Но не успел я пройти и десятка метров, передо мной снова оказался сидящий улыбающийся лисёнок. Он по лесу

перебежал с одной дороги на другую и оказался опять впереди меня. Вот новая развилка. Лисёнок посмотрел на меня и потрусил налево. А мне надо направо. Лисёнок проводил меня взглядом. Куда он меня звал?

Крысёнок Пруська

Отец принёс с работы маленького крысёнка, пожалел, спас его от смерти на лабораторном столе. Мы назвали крысёнка Пруськой. Это было прелестнейшее существо с белоснежной шерсткой, с любопытной и как будто всегда удивлённой усатой мордочкой, розовым носиком, круглыми розовыми ушками и розовыми лапками. Его немного портили красные глаза альбиноса и длинный хвост, покрытый редкой щетинкой. Но всё искупал изумительный характер и выдающиеся способности Пруськи. Крохотное созданище, с комфортом уместяющееся на моей ладони, было, безусловно, разумнее и талантливее средней кошки или собаки. Он великолепно различал своих и чужих. Мы скоро поняли, что клетку заперать не надо, никуда не убежит. Пруська был отъявленный трус и вылезал, только если дома был кто-ни-

будь из членов семьи. В остальное время он спал в своей постельке — гамачке, подвешенном в верхнем углу клетки.

Когда я приходил домой, он сразу просыпался, радостно выбегал из своего «домика», взбирался по штанине и рубашке на моё плечо и тёрся мордочкой о щёку. Если вытягивал руку вперёд, он бежал по ней и вставал столбиком на ладони. Лазал великолепно. Взбирался вверх по тросточке, по специально для него сделанной верёвочной лесенке со щепочками-перекладинами, бегал между двумя стульями по палке от половой щётки. Особенно уморительно он скользил всеми четырьмя лапками, как по рельсам, по двум натянутым параллельно бечёвкам. Я устраивал с Пруськой представления для маленьких детишек из нашей коммунальной квартиры. Сколько было восторгу!

Как ни странно, он очень мало ел. Кто это придумал про прожорливость крыс? Одного арахисового орешка ему хватало на обед. Пруська аккуратно его чистил, зажав в передние лапки, и ел, откусывая по маленькому кусочку.

Пруська не мог вылизываться, как кошка, только быстро-быстро тёр обеими лапками мордочку. Поэтому очень любил, из-за природной чистоплотности, когда его купали. Плавать он умел, но не любил — трусил. Когда я его первый раз окунул в таз с водой, крысёнок стремительно выплыл «на берег», выскочил как ошпаренный из воды, взлетел на плечо и прижался ко мне, мокренький, жалкий, трясущийся от страха. С тех пор я купал его в маленькой ванночке. Он вставал передними лапками на край ванночки, а я тёр его намыленной зубной щёткой и поливал водичкой. Пруська весь так и выгибался от удовольствия. Как-то я замешкался: разложил на столе все «банные принадлежности», но мыть его всё не начинаю. Купальщик уже залез в ванночку, опёрся о бортик и выгнул спинку в предвкушении удовольствия. Ждал, ждал, а потом вылез, взял в зубки щётку и снова занял в ванночке «позицию», недоумённо поглядывая на меня.

Пруська никогда ничего не грыз в комнате и не портил. Как-то мама сидела и читала, а руку откинула на подоконник. Крысёнок возился, играл с рукой: то лапками обхватит, то носиком ткнёт. Вдруг он дёрнул за ремешок часов — тот пополам: заигрался.

Летом мы уезжали в дом отдыха под Ленинград, и совершенно некуда было деть Пруську.

— Крысу? Не возьмём! — категорически заявили нам все наши знакомые.

Везти «зверя» в дом отдыха — и речи не могло быть. Прямо не знали, что делать! И пришлось сдать Пруську «в качестве экспоната» на сельскохозяйственную выставку.

Как-то мы с мамой гуляли по ВСХВ (Всесоюзной сельскохозяйственной выставке). Как же там было хорошо! Зашли в павильон «Сельская школа».

— Почему у вас в живом уголке только рыбки?

— Да в этой клетке у нас была белка, но украли.

Крысёнка с удовольствием взяли «как дар», но предупредили, что назад его отдать уже не смогут, теперь он «государственное имущество». Я из картонной коробки сделал ему удобную постельку в левом верхнем углу клетки. Пруська любил спать наверху — там ему не было страшно.

Я смог навестить приятеля только через полгода. Наши знакомые, которые были на выставке, рассказывали, что Пруська жив. На клетке надпись: «Крыса Пруська». Говорили, что у него угрюмый, злобный характер. Он только ест и спит. Не позволяет до себя дотрагиваться, уже кому-то прокусил руку. Детей просят, чтобы не совали в клетку пальцы. Когда я подошёл к клетке, Пруська спал. Позвал, он не проснулся, не узнал или сделал вид, что не узнал не простил предательства. А может быть, просто постарел — ведь крысы живут всего два года. И это существа с развитым интеллектом и тонкой душевной организацией!

Елизаветинские ворота

В трехстах километрах к западу от географической границы Европы и Азии, на высоком берегу реки Урал, в месте, где в неё впадает река Сакмара, стоит старинный город Оренбург.

Его история богата событиями, неразрывно связанными с историей нашего великого государства.

Во время правления императрицы Анны Иоановны, для охраны юго-восточной границы России в 1734 году было принято решение построить крепость на берегу реки Орь недалеко от впадения её в реку Яик — так называлась тогда река Урал. В том же году императрица издала указ, в котором говорилось: «...Сему городу, с Богом, вновь строиться назначенному, именоваться Оренбурх, и во всяких случаях называть его и писать сим от нас данным именем, в котором городе жалует и даём соизволение всем и всякого народа российского...» В августе 1735 года началось строительство. Но в следующем и последующих годах весенний разлив рек показал, что место выбрано неудачное, и работы прекратили. (Много позже на этом месте возник город Орск.) Спустя почти пять лет на берегу Яика в нескольких десятках километров от прежнего места заложили новую крепость. Но из-за

несогласованности организаторов дела строить крепость не стали.

Наконец, для города-крепости облюбовали высокий правый берег Яика недалеко от места впадения в него реки Сакмары. Весной 1743 года город-крепость заложили в третий раз. На строительство сгоняли людей со всей округи. Благодаря невероятному труду рабочих-строителей уже к осени 1743 года город был построен и назван по указу императрицы Оренбургом. Крепость была обнесена валом высотой около 4 метров, глубоким рвом шириной 10 метров, оснастили пушками и другим оружием. Внутри построили казармы, артиллерийский двор и пороховые погреба, таможенную, Гостиный двор для зимней, и Меновой двор — для летней торговли.

В крепость вели пять ворот: Орские, Чернореченские, Яицкие, Сакмарские и Водяные, которые охранялись часовыми. На ночь ворота запирали мощными засовами. Близ ворот располагались караульные дома.

Находясь в выгодном географическом расположении, Оренбург привлекал купцов и торговцев с разных областей Урала, Сибири и Средней Азии. Из Бухары, Ташкента, Самарканда в город потянулись большие караваны верблюдов, навьюченных разным товаром: кожей, шерстью, хлопком, фрук-

Казанский собор (Оренбург)

тами. Из Башкирии везли лесных зверей: бобров и белок, волков и медведей, зайцев и лосей, горностаев и куниц. С Волги — выхухоль. Яицкие казаки доставляли кабаньи туши и клыки, рыбу. Постепенно Оренбург становится центром торговли на Южном Урале.

С Оренбургом тесно связаны события Пугачёвского восстания. После безрезультатной полугодовой осады крепости войсками Емельяна Пугачёва о ней заговорили как о непобедимой.

После подавления Пугачёвского восстания Екатерина Вторая переименовала реку Яик — в Урал, а городу Оренбургу, за отпор бунтовщикам, подарила крест Андрея Первозванного.

Спустя полвека события, произошедшие в период Пугачёвского восстания, задумал отразить Александр Сергеевич Пушкин в своём новом художественном произведении.

В январе 1833 года он набросал план будущего романа «Капитанская дочка». Изучив архивные документы, он почувствовал, что сведений о тех событиях недостаточно, и решил посетить места, где происходили

основные действия. Пушкин надеялся встретить очевидцев восстаний, услышать от них подробности и записать их. В середине августа он выехал из Петербурга и спустя месяц прибыл в Оренбург, где встретился с Владимиром Ивановичем Далем, служившим тогда при Оренбургском губернаторе. Вместе они объездили окрестности города, были в ставке Пугачёва, нашли людей, которые помнили те события и видели самого Пугачёва.

С Оренбургом связаны имена и других знаменитых людей России. В нём отбывали ссылку в разные годы девятнадцатого века композитор Алябьев — автор романса «Соловей мой, соловей», поэты Плещеев и Шевченко.

Первый космонавт Советского Союза — Юрий Алексеевич Гагарин в 1957 году закончил здесь лётное училище. В Оренбурге в эвакуации с 1941 года жил с семьёй юный Мстислав Ростропович. В Оренбургских театрах после распределения работал Леонид Броневой, будущий народный артист СССР.

Но вернёмся в девятнадцатый век, который дал городу огромный толчок в развитии. Это было связано с открытием в 1877 году железной дороги «Самара — Оренбург». Начался регулярный вывоз продуктов питания и товаров в Москву, Петербург и другие города европейской части России.

После завершения в 1905 году строительства железной дороги «Оренбург — Ташкент», открывшей путь в Среднюю Азию, ещё большими темпами начала развиваться промышленность и расти перевозки. Город стал важным транспортным узлом Южного Урала.

Музей истории города Оренбурга

Стратегическое положение Оренбурга предопределило сложную судьбу города во время гражданской войны. Оренбург с боями переходил то к красным, то к белым. В январе 1919 года город окончательно заняли войска Красной Армии.

Во время Великой Отечественной войны Оренбург был одним из центров, куда эвакуировали предприятия и промышленное оборудование из городов Советского Союза. Город производил оружие для фронта, готовил новые кадры для армии, самоотверженно работал на победу.

Своя история есть и у наименования города. Почти двадцать лет, с 1938 года он назывался Чкалов, в честь знаменитого лётчика. В 1957 году городу вернули историческое название.

Рассказывая об Оренбурге, нельзя не упомянуть об известном промысле Оренбуржья. Речь

Осада Оренбургской крепости. XVIII век

идёт о пуховых оренбургских платках. Ещё в середине восемнадцатого века уральских казаков, обосновавшихся в то время на Яике (Урале), удивляло, что местные жители — калмыки, казахи, башкиры не мерзнут в лёгких одеждах из козьих шкур даже при самых лютых морозах. Оказалось, что под душегрейки они поддевали одежду, связанную из шелковистого пуха, начёсанного с коз уникальной породы. Жительницы деревень, расположенных на берегах Яика и Сакмары, быстро научились обрабатывать козью шерсть и стали вязать пуховые шали и тонкие «паутинки». А спустя почти два века возник пуховязальный промысел.

Оренбургские пуховые платки не имеют себе равных по тонкости и красоте изделий, оригинальности узора, прочности и способности сохранять тепло. К середине двадцатого века оренбургские платки приобрели мировую славу.

Важно отметить, что в настоящее время Оренбург входит в число крупнейших городов России.

О 8 Ашишки

По роману И. С. Тургенева «Отцы и дети»

Анна Сергеевна вышла замуж, и весьма удачно, Базаров же умер. Аркадий с Катей тоже поженились.

Базаров был один, всегда выделялся. Даже на кладбище его могила отличалась от других.

Базаров влюбился, признался ей в любви, но, не дождавшись ответа на свое признание, ушел и вскоре уехал к себе.

Базаров и Павел Петрович, при внешней противоположности, настолько схожи, что им даже не удалось создать семью.

Базаров, как игла в стоге сена, идет против течения.

Базаров любил народ, который помогал ему ловить лягушек.

Базаров любил препарировать лягушек и помещицу Одинцову.

Базаров мужественно переносит испытание смертью.

Базаров никакой другой революционной деятельностью не занимался, кроме того, что оперировал лягушек.

Базаров поранил палец и умер. Это значит: не лезь в чужой труп, а то свой потеряешь.

Базаров, ранив Павла Петровича в ляжку, ранил его эстетическое чувство, его социальную сущность.

Шереметев против

Для нас Северная война 1700–1721 годов началась с поражения русских войск под Нарвой — датско-шведским торговым городом-крепостью на границе России.

Вообще-то войну со шведами начали не мы, а польский король Август, союзник Петра Первого. Но Пётр решил сразу же воспользоваться случаем и отвоевать старинные русские владения в Ижорской земле и Эстонии и двинулся навстречу польскому Августу, осаждавшему Ригу. Первой шведской крепостью на этом направлении и была Нарва.

Русские войска, по мнению многих историков, показали под Нарвой свою полную небоеспособность. Старшие командиры оказались изменниками, снабжение отставало, воины были не дисциплинированы. Как всем известно,

именно поражение под Нарвой заставило царя Петра перестроить русскую армию, сделать её регулярной, а заодно создать регулярный флот.

О флоте — отдельный рассказ. Давайте сначала разберёмся с армией — и с русской, и со шведской. Внимательное изучение исторических событий покажет нам, что, несмотря на разгром под Нарвой, русская армия начала XVIII века не была такой уж плохой и не уступала шведской.

После Нарвской битвы дорога шведскому войску в сердце России была открыта. Ничто, кроме новгородского гарнизона да Псковской крепости, не закрывало шведам путь на Москву. И король Карл XII подумывал о таком походе, ведь захват Москвы сразу же делал его победителем в войне.

Уже был разработан план войны с Россией: по этому плану одно направление удара следовало на древний русский город Ладогу (тогдашнюю столицу всего северного края), другой удар приходился на Гдов, третий — на Псков. Затем две южные армии соединились в Пскове и должны были двинуться на Москву. Но... ничего не получилось. У Карла не нашлось достаточно здоровых воинов. Сил шведской армии едва хватало на то, чтобы сражаться с поляками на западе и оберегать рубежи на востоке.

В это время Пётр Первый начинает активную подготовку к наступательным действиям. Он объявляет «Свейский (то есть шведский) поход». Возглавляет этот поход (то есть войну) боярин Борис Петрович Шереметев — генерал-фельд-

А. Коцебу. Штурм крепости Нотебург 11 октября 1702 года. 1846

Генерал-майор Вольрам Антон фон Шлиппенбах

Граф Б. П. Шереметев, русский полководец, дипломат

маршал и «военный кавалер Мальтийский». Ближайшим помощником фельдмаршала становится его сын Михаил Шереметев. Генерал Апраксин возглавляет «рейдерские» части, ведущие разведку боем в тылу противника, в Ижорской земле.

Б. П. Шереметеву со шведской стороны противостоят войска генерал-майора Вольрама Антона фон Шлиппенбаха.

Зимой 1701 года фон Шлиппенбах (которого Пушкин в поэме «Полтава» назовёт «пылким») совершает первую и единственную в этом году наступательную операцию: он пробует захватить Псково-Печерский монастырь (в нынешнем городе Печоры на границе с Эстонией). Но это не удалось никому из врагов России, не удалось и Шлиппенбаху. Помимо старинных стен и самого рельефа, монастырь защищали новые земляные бас-

тионы, насыпанные по приказу Петра Первого, с многочисленными пушками. Осада русской пограничной крепости была так же неудачна, как осада русскими Нарвы.

А затем, медленно, но верно, начинает действовать фельдмаршал Шереметев из своей ставки во Пскове. Вряд ли за полгода можно произвести серьёзные (как сейчас говорят, «структурные») изменения русской армии. Между тем уже 4 сентября 1701 года русский отряд под началом Михаила Шереметева разбивает один из отрядов Шлиппенбаха в 40 км за Печорским монастырем, на шведской территории, у мызы Ряпиной. Шведы, которым досаждают польские войска, не могут ничем ответить. Король Карл объявил польского Августа личным врагом, и совсем не обращает внимания на то, что творится на русском фронте.

Тем более что пока все бои выглядят как мелкие приграничные стычки.

Правда, через несколько месяцев, в конце января 1702-го, фельдмаршал Шереметев совершает марш в Эстонию и примерно в том же районе, что и осенью, снова разбивает шведское войско.

В июле 1702 года, снова в восточной Эстонии (Шведской Ливонии) Шереметев одерживает третью победу — у Гуммельсгофа, а затем четвёртую — у Мариенбурга. И тогда уже становится ясно, что главная причина удач русских — в правильном назначении главнокомандующего. Именно стратегический талант боярина Шереметева (или его советников) позволили нашим войскам получить перевес в войне. Сыграла свою роль и быстрая мобилизация русского войска.

В это же время окольный Пётр Матвеевич Апраксин в

районе современного Петербурга ведёт почти непрерывные бои с отрядами шведского генерала Крониорта (он выполнял обязанности военного генерала Выборга и всей Шведской Ингерманландии, то есть занимал ту же долж-

ми каменными стенами, но... его гарнизон составлял всего 300 человек. А уже осенью 1702 года «под стенами» Орешка (вернее, на берегу протоки, отделяющей остров Ореховый от материка) уже стояло огромное русское войско.

в Ладугу (сейчас это посёлок «Старая Ладога» в Ленинградской области) и соединился с силами Шереметева.

Таким образом, у нас был под Орешком значительный численный перевес — несколько тысяч русских против трёхсот шведов. Правда, генерал Крониорт послал коменданту Нотебурга подкрепление — но наши командиры успели его перехватить, рассеять и уничтожить. До шведской крепости добрались лишь несколько человек, но к тому времени мощный артиллерийский огонь русских батарей уже порушил частично стены и нанёс ущерб живой силе врага.

Интересно, что комендантом Нотебурга был родной брат старого противника Шереметева Вольрама Антона фон Шлиппенбаха. Комендант крепости Г. В. фон Шлиппенбах был в чине полковника.

Руководил осадой Нотебурга (которая длилась с 28 сентября по 12 октября) Борис Петрович Шереметев. И заслуга взятия Орешка принадлежит не только воле Петра, не только храбрости солдат, но и стратегическому таланту Б. П. Шереметева. Нетерпеливый Пётр хотел уже снимать затянувшуюся осаду, но дело решила планомерность и непрерывность натиска — вкупе с решающими подвигами Меншикова и других командиров. Крепость пала, и комендант Шлиппенбах сдался.

К сожалению, заслуги фельдмаршала и Мальтийского кавалера Шереметева перед родиной почти забыты. Что касается Шлиппенбахов, то и Антон фон Шлиппенбах в конце концов сдался русским. Произошло это в ходе Полтавской битвы, в 1709 году. После этого генерал Шлиппенбах поступил на русскую службу и стал «коллегой» Бориса Петровича Шереметева.

Северная война 1700–1721. Пётр I с войсками на отдыхе

ность, что Шлиппенбах в Эстони). Набеги на шведские и финские мызы сменяются отступлениями. Апраксин остерегается вступать в прямые столкновения с основными силами Крониорта, не имея достаточно конницы, в то же время Крониорт не предпринимает никаких действий, чтобы изгнать «партизанский» отряд Апраксина с приграничной территории. Шведы (и их генерал Крониорт) надеются на стены и пушки двух ключевых крепостей — Нотебурга (Орешка) в устье реки Невы и Ниеншанца в её нижнем течении.

Но надежды эти, если они и были, оказываются тщетными.

Крепость Ниеншанц на мысу между Невой и речкой Охтой (почти в центре современного Петербурга), слабо защищена и давно не ремонтировалась. Орешек-Нотебург стоит на острове и защищён высокими, толстыми, ещё средневековы-

Фельдмаршал Шереметев привел свою армию из Пскова. Прибыли полки из Воронежа и Москвы. С севера, с Белого моря, с двумя лучшими своими, личными полками пришёл под Орешек царь Пётр.

Это было уже четвёртое его лето на Белом море. Царь любил там бывать. На Белом море он учился кораблевождению, молился в Соловецком монастыре. Накануне похода на Нотебург-Орешек царь побывал на Соловках, построил обетную церковь в честь Святого Андрея Первозданного и освятил в этой церкви наш военно-морской Андреевский флаг (мы писали об этом в 7-м номере «Детской роман-газеты» за 2013 год).

С Соловков через пристань Нюхчу по так называемой «Государевой дороге», которая остаётся самой большой загадкой северного путешествия Петра 1702 года, царь с двором и двумя полками пришёл

Зина-синичка

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Владимир Волков

Художник Ю. Устинова

Зина сидела у раскрытого окна и думала: «Ну, почему я такая несчастная? Мама всё время ругает, во дворе и в школе дразнят и надсмехаются. Никто, совсем никто меня не любит!»

Тут, откуда ни возьмись, появилась синичка. Она села на подоконник рядом с Зиной.

— Что случилось, девочка? — вдруг спросила синичка. — Почему ты плачешь?

— Да, тебе хорошо: ты вон какая красивенькая. Тобой все любят. А меня? Только ругают и обзывают. А я разве виновата, что родилась такой...

— Не плачь, милая. Твоему горю я могу помочь. Хочешь, я превращу тебя в синичку, коль я так тебе понравилась... И ты будешь петь — с рассвета до заката. И песнь твоя будет звонкой и радостной... Ну, как — согласна?

Синичка облетела девочку три раза, прошептала ей что-то в ухо, и та превратилась в синичку.

Приятели сидели на скамейке и о чём-то болтали. Зине-синичке очень хотелось узнать, как она теперь выглядит в птичьем наряде.

Она летала перед мальчишками, садилась рядом на спинку скамейки, снова вспархивала...

— Смотри, Ромка, какая-то странная синица, — сказал Валерка. — Чего ей надо?

— Может, она голодная? Есть просит... У тебя ничего нет?

— Вроде семечки были. — И, порывшись в кармане, Валерка достал несколько завалявшихся семечек.

Зина-синичка села на Валеркину ладонь и стала клевать семечки.

Валерка держал Зину-синичку на ладони, а Ромка осторожно гладил её.

От ребячьих рук шла такая теплота, слова их были такими приятными, что ей не хотелось улетать.

В парке у родника всегда толпился народ. Люди сюда приходили за водой. Зина-синичка сразу увидела Марину, самую красивую девочку из их второго «А». Эту Марину Зина боялась даже больше, чем Валерку с Ромкой. Марина была с бабушкой. Они уже набрали воды и шли по тропинке. Воду несли бабушка в двух сумках.

Зина-синичка, вспомнив свои обиды, подлетела к Марине и, трепеща крылышка-

ми, просинькала ей всё, что она думает о ней.

— Внученька, синичка, наверное, пить захотела, — опустила сумки с водой бабушка. — Давай угостим её родниковой водичкой... Ну-ка, подставляй ладошки.

И бабушка достала пластиковую бутылку. Зина-синичка села на Маринины ладошки и стала пить.

— Бабушка, смотри, какая она миленькая, — заговорила Марина таким нежным голосом, что Зина-синичка даже представить себе не могла, что эта вредина и воображала могла так говорить.

Зина-синичка потом долго сидела на ветке берёзы и вспоминала слова, которые она сегодня услышала — от мальчишек, Марины и её бабушки.

И она запела радостно и звонко, как и обещала ей синичка-волшебница.

Когда солнце стало скрываться за дальними домами, Зина-синичка вспомнила маму: «Она ведь давно пришла с работы, а меня нет...»

И Зина-синичка полетела к своему дому. Она сразу увидела в окне свою маму.

— Мамочка, это же я... твоя дочка!

Но мама не обращала никакого внимания на порхающую у окна птичку, тревожно смотрела во двор, то и дело утирая глаза платком. «Мама ждёт меня, она плачет, значит, она меня любит!»

И с этой счастливой мыслью Зина-синичка полетела в парк. Искать синичку-волшебницу, чтобы та снова превратила её в девочку.

Виктор Астафьев
Художник Н. Буканова

Белогрудка

Деревня Вереино стоит на горе. Под горою два озера, и на берегу их, отголоском крупного села, уютится маленькая деревенька в три дома — Зуяты.

Между Зуятами и Вереино огромный крутой косогор, видный за много десятков вёрст тёмным горбатым островом. Весь этот косогор так зарос густолесьем, что люди почти и не суются туда. Да и как сунешься? Стоит отойти несколько шагов от клеверного поля, которое на горе, — и сразу покатишься кубарем вниз, ухнешь в накрест лежащий валежник, затянутый мхом, бузиною и малинником.

Глухо на косогоре, сыро и сумеречно. Еловая и пихтовая крепь надёжно хоронит от худого глаза и загребущих рук жильцов своих — птиц, барсуков, белок, горностаев. Держатся здесь рябчик и глухарь, очень хитрый и осторожный.

А однажды поселилась в чащобе косогора, пожалуй, одна из самых скрытных зверушек — белогрудая куница. Два или три лета прожила она в одиночестве, изредка появляясь на опушке. Белогрудка вздрагивала чуткими ноздрями, ловила противные запахи деревни и, если приближался человек, пулей вонзалась в лесную глухомань.

На третье или четвёртое лето Белогрудка родила котят, маленьких, как бобовые стручки.

Мать грела их своим телом, облизывала каждого до блеска и, когда котята чуть подросли, стала добывать для них еду. Она очень хорошо знала этот косогор. Кроме того, была она старательная мать и вдосталь снабжала едой котят.

Но как-то Белогрудку выследили вереинские мальчишки, спустились за нею по косогору, притаились. Белогрудка долго петляла по лесу, махая с дерева на дерево, потом решила, что люди уже ушли — они ведь часто мимо косогора проходят, — вернулась к гнезду.

За ней следило несколько человеческих глаз. Белогрудка не почувствовала их, потому что вся трепетала, прильнув к котятам, и ни на что не могла обращать внимания. Белогрудка лизнула каждого из детёнышей в мордочку: дескать, я сейчас, мигом, — и вымахнула из гнезда.

Корм добывать становилось день ото дня трудней и трудней. Вблизи гнезда его уже не было, и куница пошла с ёлки на ёлку, с пихты на пихту, к озёрам, потом к болоту, к большому болоту за озером. Там она напала на простофилю сойку и, радостная, помчалась к своему гнезду, неся в зубах рыжую птицу с распущенным голубым крылом.

Гнездо было пустое. Белогрудка выронила из зубов добычу, метнулась вверх по ели, потом

вниз, потом опять вверх, к гнезду, хитро упря- танному в густом еловом лапнике.

Котят не было. Если бы Белоградка умела кричать — закричала бы.

Пропали котята, исчезли.

Белоградка обследовала всё по порядку и об- наружила, что вокруг ели топтались люди и на дерево неловко лез человек, сдирая кору, обла- мывая сучки, оставляя разящий запах пота и грязи в складках коры.

К вечеру Белоградка точно выследила, что её детёнышей унесли в деревню. Ночью она нашла и дом, в который их унесли.

До рассвета металась возле дома: с крыши на забор, с забора на крышу. Часами сидела на черёмухе, под окном, слушала, не запищат ли котятки.

Но во дворе гремела цепью и хрипло лаяла собака. Хозяин несколько раз выходил из дому, сердито кричал на неё. Белоградка комочком сжималась на черёмухе.

Теперь каждую ночь она подкрадывалась к дому, следила, следила, и всё гремел и бесно- вался пёс во дворе.

Как-то Белоградка прокралась на сеновал и осталась там до света, а днём не решилась уйти в лес. Днём-то она и увидела своих котят. Маль- чишка вынес их в старой шапке на крыльцо и стал играть с ними, переворачивая сверху брюш- ками, щёлкая их по носу. Пришли ещё мальчиш- ки, стали кормить котят сырым мясом. Потом явился хозяин и, показывая на кунят, сказал:

— Зачем мучаете зверушек? Отнесите в гнездо. Пропадут.

Потом был тот страшный день, когда Бело- градка снова затаилась на сарае и снова ждала мальчишек. Они появились на крыльце и о чём- то спорили. Один из них вынес старую шапку, заглянул в неё:

— Э, подох один...

Мальчишка взял котёнка за лапу и кинул со- баке. Вислоухий дворовый пёс, всю жизнь про- сидевший на цепи и привыкший есть что дают, обнюхал котёнка, перевернул лапой и стал не- торопливо пожирать его с головы.

В ту же ночь на селе было придушено мно- жество цыплят и кур, на высоком заплоте зада- вился старый пёс, съевший котёнка. Белоградка бегала по забору и до того раздражила дурако- ватую дворнягу, что та ринулась за ней, пере- прыгнула через забор, сорвалась и повисла.

Утят, гусят находили в огородах и на улице задавленными. В крайних домах, что ближе к лесу, птица вовсе вывелась.

И долго не могли узнать люди, кто это раз- бойничает ночами на селе. Но Белоградка сов- сем освирепела и стала появляться у домов да-

же днём и расправляться со всем, что было ей под силу. Бабы ахали, старухи крестились, му- жики ругались:

— Это ж сатана! Накликали напасть!

Белоградку подкараулили, сшибли дробью с тополя возле старой церкви. Но Белоградка не погибла. Лишь две дробины попали ей под ко- жу, и она несколько дней таилась в гнезде, за- лизывала ранки.

Когда она вылечила себя, то снова пришла к тому дому, куда её будто на поводе тянули.

Белоградка ещё не знала, что мальчишку, взявшего купят, пороли ремнём и приказали от- нести их обратно в гнездо. Но беззаботный мальчишка поленился лезть в лесную крепь, бросил кунят в овражке возле леса и ушёл. Здесь их нашла и прикончила лиса.

Белоградка осиротела. Она стала давить на- пропалую голубей, утят не только на горе, в Ве- реино, но и в Зуятах тоже.

Попалась она в погребе. Открыв западную пог- реба, хозяйка крайней в Зуятах избы увидела Белоградку.

— Так вот ты где, сатана! — всплеснула она руками и бросилась ловить куницу.

Все банки, кринки, чашки были опрокинуты и побиты, прежде чем женщина сцапала куницу.

Белоградку заключили в ящике. Она свирепо грызла доски, крошила щепу.

Пришёл хозяин, он был охотник, и когда жена рассказала, что изловила куницу, заявил:

— Ну и зря. Она не виновата. Её обидели, осиротили, — и выпустил куницу на волю, ду- мая, что больше она в Зуятах не появится.

Но Белоградка принялась разбойничать пуще прежнего. Пришлось охотнику задолго до сезо- на убить куницу.

На огороде возле парника он увидел её од- нажды, загнал на одинокий куст и выстрелил. Куница упала в крапиву и увидела бегущую к ней собаку с мокрым гавкающим ртом. Белоградка змейкой взвилась из крапивы, вцепилась в гор- ло собаке и умерла.

Собака каталась по крапиве, дико выла. Охот- ник разжимал зубы Белоградки ножом и сломал два пронзительно острых клыка.

До сих пор помнят в Верейно и в Зуятах Бело- градку. До сих пор здесь строго наказывают ре- бятам, чтобы не смели трогать детёнышей зве- рушек и птиц.

Спокойно живут и плодятся теперь меж двух сёл, вблизи от жилья, на крутом лесистом косо- горе белки, лисы, разные птицы и зверушки. И когда я бываю в этом селе и слышу густоголо- сый утренний гомон птиц, думаю одно и то же: «Вот если бы таких косогоров было побольше возле наших сёл и городов!»

ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ
СТИХИ ЕФИМОВОЙ СОФИИ.
СОФИЙКЕ 9 ЛЕТ, ОНА УЧИТСЯ
В ГИМНАЗИИ № 17 г. МЫТИЩИ.
ЛЮБИТ ЧИТАТЬ И РИСОВАТЬ.

*Розовые овечки, фантазии,
плоды-сердечки*

Небо залило алым закатом.
Розовые облака плывут куда-то,
Облака, словно овечки-сердечки
Белеют в вышине усталой,
Залитой алым закатом.
Закат, словно завеса,
Висит и дымит над лесом.
Лес под овечками
Задымил сердечками.
Фантазия поэта рождает эхо:
Где ты? Моя муза!
Ладони с пером коснись ты
И оживи белый лист.
С тобой он танцует твист.
Без тебя он лист пергамента,
Безжизненный лист.
Нет овечек-сердечек,
Берёзы не плетут косы
Серёжки-росы.
Фантазия — муза!
Ты одна
пробудешь талант
у меня.

Зубы, Саша и так далее...

Зубы у Саши блее снега,
Он чистит их пастой «Корега».
Очи у Сани — чернее ваксы,
Он чистит их с утра до ночи.
Брови у Саньки —
Вразлёт, как у птицы.
Муха на них не садится — боится.
Башмаки у Саньки —
Что сапоги — скороходы
Он в них обратно и до огорода.
Одёжка у Сашки по фигуре,
Колени у Сани избиты —
Все в шрамах.
Это его украшает.

Его волосы — цвета белого золота.
С лёгкостью он поднимает долото (15 кг).
Очки отделаны шкуркой горностая,
Сашкина мода — такая!
На пальцах — кольца с рубинами,
Рубинами-исполинами.
Сашка богат, умен,
Честен, силён.
Шнурки на ботинках —
Из золотой нити!
А теперь угадайте —
Кто Саша?
Внук бабушки нашей!
Вот так, красота — не символ знатного рода!
То-то же!!!

Тигр в сухой траве

Средь травы сухой, сыпучей,
Соломы-травы...
Сюрприз!
Нет, не бриз, не круиз,
Не водные лыжи, не крыша.
Просто тигр.
Он съест вас!
Сейчас!
Спасет вас не бриз,
Не круиз, не водные лыжи,
А крыша!
Вы на неё заберётесь
И от тигра спасётесь.
Да!
Будет цела ваша голова!
Но тигр не позавтракает,
И придёт в ярость!
М-м-м-м-да-а-а...
Будет цела ваша голова?
Сомневаюсь,
М-м-м-м-да-а-а...
Пока.

Зимой

Зимой я купался в реке.
Так, без носков, налегке.
Но теперь я простыл
И немного остыл:
«Зимой купаться в реке?»
«Без носков, налегке!»
«Не-е-е-е...!»

Роза

Роза цвела, алела,
Она прекрасной была.
Её сорвали, растоптали.
Вот и все дела!

НАШ ВЕРНИСАЖ

ЗИМНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ В СОЧИ-2014

Рисунки московских школьников

(Рисунки предоставлены редакцией газеты «Вечерняя Москва»)

1. Каширина Ксения, 12 лет. «Зайка-фигурист»
2. Меликов Далер, 11 лет. «Сноубордист»
3. Семенихин Артём, 13 лет. «На огневом рубеже»
4. Сергеева Александра, 11 лет. «Перед стартом»
5. Млейник Александра, 11 лет. «Спортсменка»
6. Баранов Алексей, 13 лет. «Российский боб»
7. Мочалин Даниил, 13 лет. «Весь пьедестал наш!»

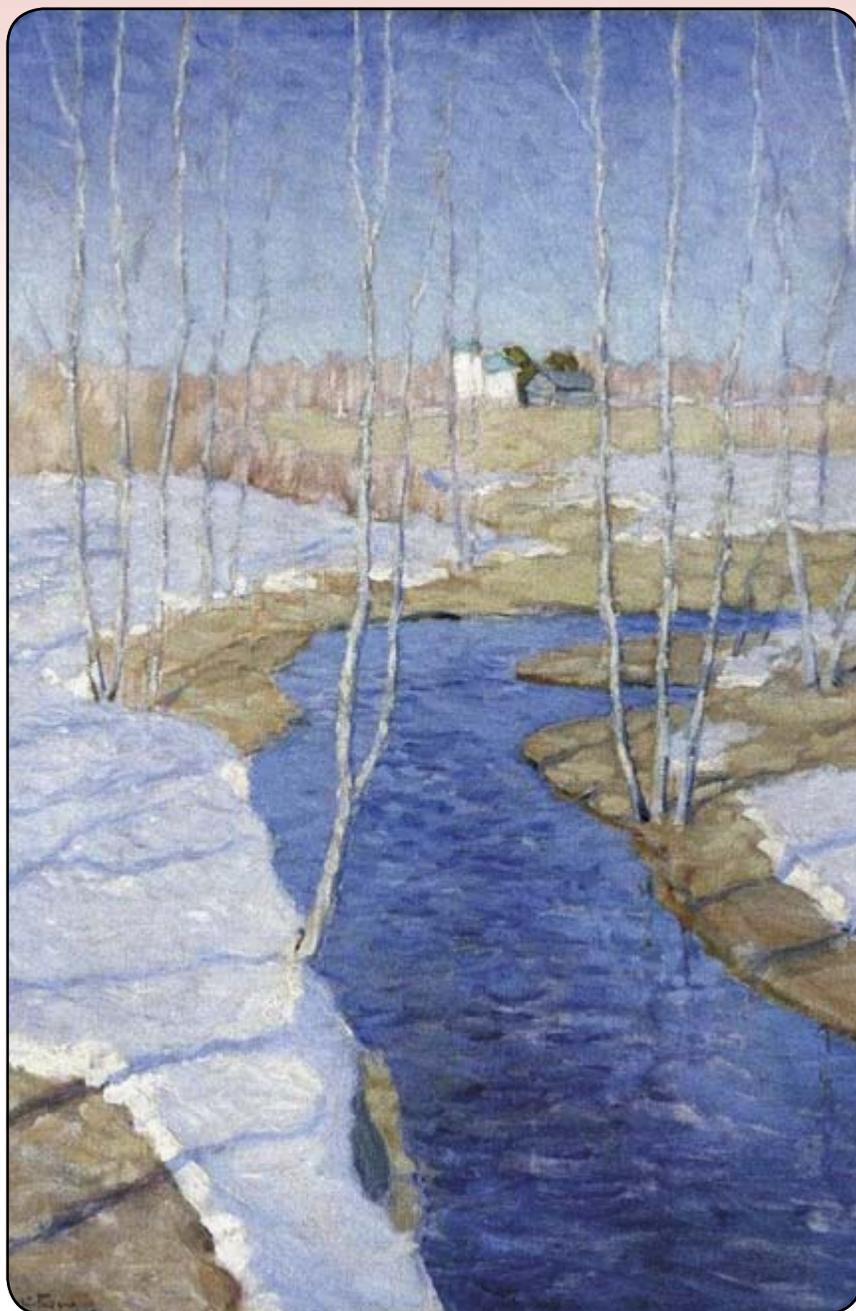

ЖИВОЙ УГОЛОК:
 Пойдём со мной

«Я всегда с новым большим удовольствием смотрю на Ваш косогор с избами, занесённый снегом; люблю эти бережки, белыми краями отражающиеся в горной речке... Я так привык освежаться душой перед Вашими живыми веяниями правды, простоты и свободы».

И. Репин

В. Бялыницкий-Бируля. Весной. 1910 г.

ИМЕНА:
 «И девушка наша
 в походной шинели...»

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
 СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
 Зина-синичка

РАССКАЗЫ:
 Белогрудка